

An impressionistic painting of a forest scene. The foreground is dominated by a large, textured tree trunk on the right and a wooden gate with a crisscross pattern in the center. The ground is covered in a dense layer of blue and purple foliage. In the background, several tall, slender trees stand against a hazy, greenish-yellow sky. The overall style is soft and painterly, with visible brushstrokes and a rich, somewhat muted color palette.

Виктория Янушевская

Старый дуб

Виктория Янушевская

Старый дуб

«Автор»

2026

Янушевская В.

Старый дуб / В. Янушевская — «Автор», 2026

Старый дуб - это книга, состоящая из собранных под одной обложкой рассказов, герои которых — постояльцы и сотрудники небольшого дома престарелых в Англии. Автор не только литератор, но и сотрудник такого дома. Свои наблюдения, впечатления от общения с постояльцами и уникальный опыт Виктория трансформирует в четырнадцать трогательных и сокровенных историй, где главным героем всегда становится не диагноз, а человек. Книга позволяет читателю прожить четыре времени года в живописной английской деревне, получить опыт добра, ироничного взгляда и деятельного сострадания

© Янушевская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
«СТАРЫЙ ДУБ» ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Начало [Foreword]	6
Анабель	9
Барбара [B : Barbara]	12
Сочельник [C : Christmas Eve]	15
Диана [D : Diana]	18
Элизабет [E : Elizabeth]	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Старый дуб

Глава

Виктория Янушевская

«СТАРЫЙ ДУБ» ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начало [Foreword]

Собеседование назначили на десять утра. Я помню, что очень волновалась и целый вечер выписывала из словаря разные выражения о мотивации, трудолюбии и оказании положительного влияния на жизнь моих будущих подопечных. Спала накануне плохо и никак не могла подобрать подходящий случаю наряд. Тогда я даже не могла себе представить, с чем мне предстоит столкнуться в доме престарелых на окраине небольшой английской деревни. Но если бы я могла прожить свою жизнь заново, я бы снова пошла на собеседование, чтобы получить эту работу.

Чтобы ежедневно заходить в тесные комнаты постояльцев, где из мебели только стол, шкаф и кровать, где на стенах фотографии молодых незнакомцев, где в рукаве свитера обязательно прячется салфетка, где вечно пропадают очки, недочитанная газета сползает с одеяла на ковер, а маленький ночник, как маяк, горит у изголовья до рассвета, и тени липовых ветвей одобрительно кивают за окном.

Чтобы узнать, как мучительна порой любовь, как терпелива смерть, как слепит рассветное солнце, когда открываешь утром занавески, и как немеют пальцы, когда закрываешь чьи-то глаза.

Чтобы каждое утро встречать в коридоре Берту в плаще поверх ночнушки, с чемоданом и зонтом:

— Святые небеса, Берта, что ты тут делаешь?

Глупые вопросы — вот что действительно раздражает Берту.

— Как что? — она вздыхает и закатывает глаза. — Автобус жду.

Чтобы каждый обед успокаивать Айрин, которая упрямо отодвигает от себя поднос, устало откидывается на спинку кресла:

— Для начала я хотела бы знать, кто это все оплачивает. Дело в том, что у меня с собой нет денег.

— Айрин, сегодня все бесплатно.

— Бесплатно? — недоверчиво переспрашивает Айрин.

— Да, подарок на Рождество.

— А-а-а, Рождество, — успокаивается прижимистая старушка и в середине лета, и ранней весной. — Ну тогда другое дело. А десерт?

— И десерт.

Я снова хочу приносить перед сном стакан теплого молока для Маргарет, чтобы ей приснились хорошие сны, я хочу сажать в саду розы с Салли («Виктория, я забыла, откуда ты — из Кении?»).

Я хочу каждую неделю, перед визитом сына, завивать и укладывать волосы Мэри:

— Дорогая, а теперь посмотри в зеркало. Нравится?

— О! Мило, правда очень мило. Спасибо большое.

— Ну и отлично. Я беру гораздо меньше, чем наш парикмахер. С тебя всего десять фунтов.

— Что?

— Я говорю, с тебя всего-то десять фунтов.

— Не слышу, совершенно ничего не слышу, — Мэри кричит натужно, округляет глаза, жестами показывает на слуховые аппараты в ушах и сокрушенно разводит руками...

Мое собеседование прошло удачно и меня взяли на испытательный срок, шесть месяцев. Менеджер попросил подождать в фойе. В коридоре стояла пожилая женщина и сосредоточенно доедала бумажную салфетку, женщина помолже держала ее за руку и тихо повторяла: «Мама, я так скучаю, я так скучаю по тебе, мама». Обе смотрели в окно.

Первая рабочая неделя прошла как во сне. Мне выдали форму — голубую короткую рубашку и маленький бейджик с моим именем, он крепился плоским магнитом с изнанки и постоянно спадал. Меня водили с этажа на этаж, незнакомые люди смеялись, задавали вопросы, просили что-то подписать. Маленькие филиппинцы обступили меня в коридоре, осматривали, гладили по руке и цокали: «Ты нам нравишься. Ты высокая». Администратор Анабель выдала толстую брошюру с вопросами «Сертификат по уходу», которую необходимо было заполнить к концу месяца. Меня внесли в график: в мои «длинные» недели — первую и третью недели месяца — мне поставили пять смен по 12 часов, в «короткие» — только три, так, чтобы в итоге я отработала те сорок восемь часов в неделю, которые значились в моем контракте.

К самостоятельной работе новых сотрудников не допускают без прохождения обязательного тренинга *Moving and handling* *, на котором учат использовать инвалидные коляски и подъемники для неподвижных постояльцев, объясняют, как правильно перемещать подопечных в кровати. Именно поэтому первую неделю меня приставляли к опытным сотрудникам, которые постепенно знакомили меня с устройством Дома и беззастенчиво скидывали на меня скучную, рутинную работу: я мыла полы, разносила по комнатам кувшины с водой, раскладывала полотенца, заполняла температурные листы.

{ * Перемещение маломобильных пациентов скользящими простынями и подъемниками. }

Некоторые смены я проводила на первом этаже, где в пятнадцати комнатах проживали постояльцы, нуждающиеся в минимальном уходе, а иногда меня отправляли на второй этаж, где за закрытыми дверями с кодовыми замками находилось отделение с постояльцами, страдающими деменцией.

Помню, как в обед я провела там больше часа с флегматичной постоялицей. Над круглым черепом, обтянутым сухим пергаментом кожи, клубился белоснежный дымок волос. Она смотрела не мигая, нехотя открывала рот, медленно жевала, игнорируя мои подбадривающие возгласы: «Отлично! Здорово! Так держать!» Наконец я аккуратно смахнула крошки с ее блузки: «Какая ты молодец, дорогая! Все съела». Старушка впервые подняла на меня выцветшие глаза, вытянулась, упершись локтем в ручку кресла, хрипло и медленно произнесла, с усилием разлепив сухие губы: «Я тебя ненавижу!»

Я забывала коды от дверей и путала имена постояльцев, несколько раз заблудилась, уронила поднос с посудой, а однажды под вечер загрузила кухонную тележку в лифт для посетителей, так что ее даже потеряли, и приходил недовольный усатый повар, он громко говорил слово *unacceptable*, смотрел в мою сторону, и был переполох...

{ * *Unacceptable* (англ.) — неприемлемо. }

Каждый вечер я приносила поднос с ужином в угловую комнату, где в крошечной темноте сидела сморщенная, как грецкий орех, бабуля. Я включала ночник, от которого она просыпалась и злобно скрипела: «Ага! А вот и ты! Ты, которая вчера украла мою картину! Что ты делаешь в моем доме?»

После двенадцати часов беготни по незнакомому зданию я возвращалась домой и падала в кровать — прямо в черных брюках, в голубой рубашке с покосившимся бейджиком «Виктория, ассистент по уходу»; просыпалась под утро и шла в душ...

Анабель

[A : Annabelle]

Рояль привезли рано утром. Двое рабочих вкатили его в Дом и приспустили чехол. Огромный блестящий инструмент распластался, как выброшенный на сушу кит, и занял собой почти весь холл. Сотрудники охали и почтительно втискивались в небольшой зазор между черным корпусом и столом администратора. Анабель долго выбирала для него подходящее место, советовалась со словоохотливыми грузчиками, щурясь, нервно обсасывала дужку очков. Ее сосед продавал коттедж и не знал, куда девать рояль, на котором когда-то играла его дочь. Анабель предложила привезти его к нам и сообщила начальству. Менеджер работал с Анабель давно — он отнесся к идее настороженно, восторга не разделил, но, созвонившись с главным офисом, нехотя согласился.

При нашей первой встрече Анабель церемонно представилась: «Ресепшен-менеджер». Пять дней в неделю она сидела на входе за массивным лакированным столом и отвечала на звонки, встречала посетителей, поливала цветы и кормила толстого ленивого кота, который жил в теплице. Твидовый костюм, безупречная укладка и легкий макияж — вид Анабель имела самый представительный. Говорила уверенно и была настоящей англичанкой, у которой «да, но...» означало бесповоротное «нет», завернутое в несколько цветастых упаковочных слов, не меняющих сути, но смягчающих удар. Многие иностранцы ошибочно принимали подобные лексические обороты за лицемерие, но я скорее соглашусь со своим соседом Филиппом, который как-то пояснил: «Мы просто не любим расстраивать людей». Анабель верила во всеисцеляющую чашку чая, разговоров о погоде и позитивного настроения.

Встревоженные родственники порой звонили, расспрашивали о самочувствии постояльцев, попав случайно на ресепшен вместо медсестринской. Анабель их не разочаровывала: постояльцы все как один были румяны, аппетит имели отменный, спали беспробудным сном и в полдень гуляли в саду, играли в настольные игры, пребывая при этом в отличном настроении, в точности как в рекламе крема для фиксации зубных протезов.

Однажды, ранним утром понедельника, Анабель пела в трубку грудным голосом: да, да, она видела Джима недавно — он гораздо, гораздо лучше выглядит. Администратор авторитетно понизила тон: «Такой, знаете, цвет лица стал замечательный. Что говорите? Кушает? Прекрасно кушает — заметно повеселел!» И только к полудню она узнала, что Джим, мрачный желтый старик, живущий на первом этаже, которого она видела в пятницу в столовой, на выходных увезен в больницу в тяжелом состоянии.

Подобные накладки нисколько не смущали Анабель. Она была убеждена, что родственники звонят в дом престарелых для того, чтобы услышать «хорошие новости», а не узнать спозаранку, что их дядю всю ночь тошнило или у их бабули был понос. Потому Анабель больше полагалась на свое вдохновение, чем на медицинские записи в истории болезни.

Надо отдать ей должное, несмотря на выговоры начальства, она упрямо выжимала из любых обстоятельств «хорошие новости», как воду из камня. Менеджер накалялся добела, объясняя Анабель основы использования конфиденциальной информации и защиты персональных данных, авторитетно ссылаясь на законодательный акт от две тысячи восемнадцатого года. Она кротко кивала, собирая шерстяные катышки на рукаве, и видно было по всему, что поступать она продолжит по-своему, хоть ты ей кол на голове теши.

...Наконец Анабель выбрала место — в правом углу гостиной, у окна. Грузчики неохотно отставили чашки, из которых пили чай, и покатали рояль через весь холл, мимо офиса менеджера, в просторную гостиную, где обычно проходили концерты, собеседования и религиозные мероприятия, проводимые улыбчивыми женщинами.

Во время перерыва я пришла в гостиную, открыла холодную крышку, обнажив ряд белых клавиш. Я еще что-то помнила с музыкальной школы и медленно, с ошибками сыграла «Старинную французскую песню», которую разучила на втором году занятий. Потом попробовала вспомнить вальс. В гостиную вошла Анабель.

— Виктория, как чудесно ты играешь! — воскликнула она.

Забегал Корнел, за ним появились завхоз, Камилла, Даниель. От всеобщего внимания я разволновалась и, сбиваясь, сыграла пару пьес, которые немного помнила.

На следующий день Анабель остановила меня в коридоре:

— Виктория, ты знаешь, у меня родилась прекрасная идея.

После этих слов я должна была насторожиться, но я только улыбнулась, потому что работала в Доме всего третью неделю и совсем не знала Анабель. Она, как пятничный паб — людьми, была битком набита идеями одна лучше другой.

— А почему бы тебе не сыграть что-нибудь на рождественском вечере, который мы устраиваем для сотрудников и постояльцев? Это было бы так здорово! Анна обещала спеть, Даниель сыграет на гитаре, и у нас может получиться маленький концерт.

За окнами стоял дождливый ноябрь, до конца декабря было время выучить какую-нибудь небольшую, подходящую случаю композицию — решила я и согласилась. Я нашла ноты песни «We wish you a Merry Christmas» и принялась разучивать. Около месяца я приходила на работу раньше и усердно тренировалась.

Пришел день концерта. После завтрака я поймала в коридоре Даниеля, чтобы договориться, в каком порядке мы будем выступать. Он замялся:

— Да ты понимаешь, времени совсем не было подготовиться. Я предупредил Анабель. Я же давно играл- то, многое забыл уже.

Я бросилась к Анне.

— Виктория, я что-то подумала, я не чувствую в себе сил, я боюсь выступать. Все будут на меня смотреть. Я не готова к этому.

И тут я пожалела, что согласилась. Я отыскала Анабель.

— Ничего страшного, что Даниель и Анна отказались, — успокоила она. — Будет еще вручение подарков, танцы, угощения, и споем вместе песню.

Меня вызвали, когда я кормила Эрика. В гостиной за круглым столом сидели коллеги, постояльцы и их родственники. Мои ноги стали ватными, руки — непослушными. Все смотрели на меня, только на одну меня, и этого я не репетировала. Мне казалось, что они слышат, как ухает мое сердце. С кривой, вымученной улыбкой я раздала всем листки со словами песни. Предусмотрительная Анабель вручала слушателям звонкие бубенчики, чтобы мне подыгрывать.

Я открыла крышку рояля и подала сигнал кивком головы: «We wish you...» Грянули бубенцы... Это был грандиозный провал с первой ноты и до последней! Металлический грохот заглушал звуки рояля, но я отдаленно слышала, как нестройный мой хор заканчивал первый куплет в тот момент, когда я бойко выколачивала из клавиш начало припева. Руки меня отказывались слушать, голова не работала, и порою я ловила себя на страшной мысли, что не помню, какой аккорд идет за фа мажорным. До мажор? Ля? Я пробовала ля мажор вместо до и наоборот.

От досады у меня чуть не выступили слезы — я тренировалась целый месяц почти каждый день, я засыпала под звуки уже ненавистой музыки и, просыпаясь, казалось, слышала вкрадчивое: «...and happy New Year». Я почти сотню раз играла без ошибок, чтобы сейчас испугаться всеобщего внимания и испортить всю песню.

Отзвенели бубенцы, отгремела музыка, и после короткой паузы раздались аплодисменты. Я встала и поклонилась. «Самое главное, — сказала я себе, — принять невозмутимый вид, как если бы ничего не произошло».

Все продолжали веселиться в гостиной, начались танцы, а я решила немного прибраться в кухне.

Ночью я почти не спала. Мне следовало просто сказать, что не хочу, не могу...

На следующее утро я встретила Анабель в холле.

Она засыпала зерна в кофеварку.

— Я прошу прощения за вчерашнее, — сказала я, пытаюсь казаться как можно более равнодушной, — сыграла не совсем как хотелось бы.

Анабель отставила пакет с кофе и вскинула руки.

— О не-е-е-ет, — она долго тянула гласную, как дети вытягивают жевательную резинку изо рта, — нет, ты себе не представляешь, все были просто в восторге! Всем та-а-а-ак понравилось. Ты така-а-а-ая молодец!

Я была серьезно озадачена и не нашла, что ответить. Было не похоже на сарказм. Анабель лучилась искренностью, неподдельным умилением и благодарностью.

«Странные, конечно, ребята эти англики», — подумала я.

— В любом случае, Виктория, — добавила Анабель и доверительно подмигнула, — бубенцы так звенели, что никто из-за них не расслышал музыки.

С того дня прошло много лет. Мы праздновали и Рождество, и Пасху, Хэллоуин, и День матери, но больше ни разу Анабель не попросила меня поучаствовать в концерте и сыграть для наших постояльцев.

Барбара [В : Barbara]

— Help !!! * Help me!!!! — раздался истошный женский крик за дверью двадцать восьмой комнаты.

Мужской голос гудел дружелюбным шмелем, увещевал, кружил из угла в угол, но получал яростный отпор — что-то с глухим стуком ударялось о стену, слышался звон разбитой посуды, треск, вопли.

«Leave me alone!» ** Силы противника значительно превосходили, крики слабели и звучали уже как-то обреченно: «Help!!! Please! He-e-e-elp!!!» ***

{ * Помогите!

** Оставь меня в покое!

*** Помогите! Пожалуйста! На помощь! }

— Ничего особенного, — махнул рукой флегматичный румын, распеленывая очередной пирожок из салфетки. — Барбару моют.

После завтрака Корнел знакомил меня с документацией отделения: я заполняла температурные листы и проверяла исправность звонков вызова в каждой комнате, Корнел поедал пирожки.

— Самое главное, Виктория, в сармале — это правильно выбранный капустный лист. Меня мама отправляла за капустой на рынок и всегда говорила: «Корнеле, не бери русскую белую капусту: у нее лист жесткий».

Дверь распахнулась, из двадцать восьмой комнаты выкатились ходунки, за ними появилась фарфоровая старушка: белые кудряшки, юбочка в пол, кружевная блузочка — Барбара. Она быстро засемила по коридору в сторону столовой, деловито управляясь с ходунками и бормоча: «I can do it *, I can do it, I can do it». Барбара выдохлась у входа в столовую, остановилась и почти возмущенно прошептала:

{ * I can do it — Я сделаю это.

** No, I can't do it — Нет, я не смогу. }

«No, I can't do it ***». Она мотала головой и сокрушенно повторяла, словно убеждала себя сдаться: «I can not do it. No, no, no. No way!»

Чуть позже в дверном проеме возник высоченный поляк Даниель: пот стекал по красному лицу, на лбу пылала свежая царапина, в руках скомканное постельное белье, под мышкой полотенце и ночная рубашка.

— Виктория, иди на перерыв, пожалуйста, а мы с Корнелом продолжим, — обратился ко мне Даниель. Слово please он выдавливал тщательно, как подсохшую пасту из тюбика. — И не забудь — перерыв полчаса.

Корнел глубоко вздохнул, укутал пирожок в салфетку и спрятал в карман.

После первой недели обучения и нескольких смен стажировки предстоящая работа казалась несложной. В основные обязанности ассистента по уходу входит утренний туалет подопечных: помыть, наложить увлажняющий крем, поменять подгузники, одеть, перевести из комнаты в гостиную, а также при необходимости помогать при приеме пищи, составлять компанию во время прогулок и при посещении врача, укладывать спать. Но из трехдневного тренинга Safeguarding * я вышла, как Ева из рая, с осознанием своей безнадежной порочности. Казалось, я могу, того не желая, выполнить процедуру по уходу без должного уважения и делом ли,

словом ли, взглядом унижить достоинство представителя социально уязвимых групп населения и совершить тот самый абьюз, о котором неустанно твердила руководитель курса Хелен.

{Safeguarding (англ.) — безопасность.}

Обратилась я к Барбаре не по имени, а, скажем, «моя дорогая» — абьюз. «Что за фамильярность? Где уважение? Она ваша бабушка, ваша подруга?» — говорила Хелен. Или вот, например, спросила Питера, который не может удержать ложку в артритных руках: «Можно я тебя покормлю?» Это — big no. Кормят, как известно, собак и лошадей, а мы здесь только помогаем с приемом пищи, ассистируем. Разбудила рано утром, чтобы помочь с душем до завтрака, или, наоборот, не разбудила и оставила без завтрака, не постучалась в дверь, не спросила разрешения поменять подгузник, не дала возможности выбора — «Пюре или запечённую картошку желаете?» — абьюз на оба ваших дома!

Перед обедом Барбара, обняв большую тряпичную куклу, задремала в столовой на диване. И вот моя первая дилемма: разбудить — абьюз, оставить без обеда — пренебрежение, невнимание, «неглект», то есть, как ни крути, тоже абьюз.

Даниэль привез большую железную тележку из кухни, начал сервировать обед и распорядился:

— Виктория, поставь музыку, усади Питера, Мэри и Барбару за стол и налей им сок, пожалуйста. Корнеле, ты читаешь меню — я раскладываю по тарелкам.

— Комната шестнадцать — суп и лазанья, — начал Корнел.

Питера я нашла в коридоре, он держался за перила и ожесточённо с ними спорил. Мэри привела из комнаты. Она послушно и преданно держала меня за руку — нет, она не голодна, но в столовую она со мной пойдёт, потому что я ей нравлюсь. Ее рука была мягкой и холодной.

Я вернулась в столовую и осторожно тронула спящую старушку за плечо:

— Барбара.

— Да, моя дорогая, — сквозь сон отозвалась та.

— Время обеда, пойдем присядем за стол, ты, наверное, голодна.

— Какая прекрасная идея, — улыбнулась Барбара.

Я придвинула ходунки и помогла ей подняться с дивана. По пути к столу у нас случилась совершенно светская беседа о погоде, о планах на выходные, о музыке — так мило и естественно, словно не она часом ранее попыталась вырвать мне волосы и пнуть Корнела, а не дотянувшись ногами, стала плевать в него, и все это после нашей робкой и неосторожной попытки поменять ее подгузник. Я час не могла успокоиться, у меня разболелась голова, а Барбара уже ничего не помнила, и обиды ей были неведомы.

Скорее всего, в прошлом она гневалась, ссорилась с мужем и от досады крутилась в постели до полуночи. Я видела фото супруга. Он глядел, как недремлющая совесть: суровый и бдительный взгляд, сросшиеся на переносице брови, на всех фотографиях — в костюме. В детстве она обиделась на брата, который поранил ей ногу стрелой из самодельного лука, и год не разговаривала со старшей сестрой, которая как-то уехала без нее в Лондон на выходные. Сейчас же она не помнила ни хорошего, ни плохого. Каждое утро с чистого листа:

— Кто ты такая? Я задала тебе вопрос — отвечай!

Барбара живет настоящим, вот этими короткими минутами гнева, которые смывает волна беспамятства, чтобы проступили новые минуты счастья: встречи с дочерьми, глоточек вишневого ликера, любимые песни Веры Линн, Бинга Кросби.

На фотографиях молодая Барбара пьет из бокала, хохочет, запрокинув голову, и держит под руку угрюмого супруга. А вот она со всей семьей на летней набережной в Уэймуте: хмурый муж, стеснительные девочки льнут к ногам, в руках мороженое. Ей лет двадцать пять, и жизнь бесконечна. Голос Гая Митчелла несется из летнего кафе: «Глянь на ту девушку, она

как ожившая мечта...» Голубые глаза, белокурые волосы, красные туфли — все это было так давно, что стало черно-белым.

Однажды утром, незадолго до Рождества, Барбара отказалась вставать, отказалась есть и с того дня и до сочельника оставалась в своей постели, окончательно убедившись, что *she can not do it*. Дочки настроили айпад, и музыка играла у ее изголовья и днем и ночью. Последние дни Барбара не открывала глаз, лежала во флисовом халатике поверх одеяла. На похудевшем лице светила улыбка. Она скрестила руки на груди, и, если вглядеться, можно было увидеть, как она шевелила розовыми носочками и постукивала пальцами по пуговицам своего халата в такт музыке: «Глянь на ту девушку, она как ожившая мечта, ах, глянь на ту девушку, могут ли голубые глаза быть такими голубыми?»

Сочельник [C : Christmas Eve]

В Англии невозможно чувствовать себя одиноко, пока существует королевская почта. Она работает исправно шесть дней в неделю. Каждое утро красный почтовый фургон останавливается у моих ворот, я слышу шорох гравия, а через несколько секунд щелкает крышка почтового ящика в двери и поток брошюр, писем, счетов, приглашений разлетается по прихожей.

В середине декабря я обнаружила у двери маленький конвертик, внутри открытка: Дэвид и Анна из соседнего коттеджа желают мне веселого Рождества. Я едва их знала — мы столкнулись однажды летом у моих ворот, когда я вывозила свой контейнер на улицу.

— Какое прекрасное утро, не правда ли? — обратился ко мне Дэвид.

— Да, — ответила я.

— Нам повезло с погодой этим летом, как вы думаете?

— Да, повезло, — кивнула в ответ.

У меня болела голова, я просидела полночи за компьютером в поисках объявлений о работе и к милой английской беседе расположена не была. Дэвид проигнорировал мою неприступность, церемонно представился. Он — Дэвид Стилл, военный летчик в отставке, а вот, собственно, его жена — Анна Стилл. Анна улыбалась и смотрела на меня почти не моргая, с открытым и восхищенным любопытством, как смотрят дети и старики. Их добродушный лабрадор был исключительно рад меня видеть, пытался запрыгнуть и лизнуть в лицо, Анна смущенно тянула на себя поводок:

— Извините, он очень любит людей.

Ах да, когда Дэвид служил в Саудовской Аравии, у него была надежная машина «Жигули», и он при случае покажет мне ее фотографию. Знаю ли я такую марку? Я вспомнила, как в папиной «копейке» провалился пол под маминым креслом, и ответила: «Да, эта марка мне знакома». Дэвид поинтересовался, нравится ли мне Англия, обстоятельно разъяснил, по каким дням и в каком месте у дороги я должна оставлять свой контейнер, ожидаемо пошутил про водку и предложил свою помощь, если таковая понадобится.

Анна смеялась и кивала. Я всегда считала удачным союз, в котором жена смеется над шутками мужа. Когда смеется только жена — брак идеальный. Их семейная жизнь, несомненно, состоялась. Оба были на пенсии, кажется, со времен холодной войны. Порой они неспешно прогуливались мимо моего сада, спрашивали, в порядке ли я, желали мне хорошего дня, и я наблюдала, как их белоснежные головы тихо плывут над оградой и исчезают за кустарником остролиста. Я никогда не видела их порознь.

Вся их жизнь мне кажется добропорядочной, размеренной и обстоятельной. Еще в начале декабря куплены и упакованы подарки, Дэвид усаживается за письменный стол, надевает очки для чтения и составляет рождественский список, согласно которому тщательно подписывает каждую открытку из высокой пачки на столе. Анна в фартуке напоминает из кухни: «Дорогой, а как насчет Виктории из Зимнего коттеджа?» Он выбирает для меня детскую открытку с веселым снеговиком...

Открыткой я украсила мою каминную полку. На следующее утро медсестра ночной смены сообщила, что Эрик из двадцать пятой комнаты отказывается есть и пить, у него небольшая лихорадка, за ним установлено наблюдение каждые полчаса, и присвоен статус «End of life» *.

{ * End of life — конец жизни. }

К Эрику пришла попрощаться дочка, такая же худая и печальная. За окнами в маленькой тисовой роще заливались птицы, яркое солнце пробивалось густыми морозными снопами сквозь задернутые занавески.

— Добрый день, Эрик, — сказала я, войдя в его комнату, — а вот и твой обед. Сейчас мы хорошенько покушаем. Ты же не собираешься вот так взять и свалить? — добавила шепотом я. — Ты только посмотри в окно! Не спеши, еще успеешь.

Когда-то, очень много лет назад, Эрик был художником. На стенах висят южные пейзажи нездешней палитры. Он много путешествовал по Африке, играл в крикет, но после смерти жены потерял ко всему интерес и жизнь затянуло льдом, как пруд в Диком Саду, оставив крохотную полынью: выбраться утром в магазин за газетой и пакетом молока, просмотреть спортивные новости, подстричь газон. Дочки навещали, привозили продукты, уговаривали выйти с ними прогуляться или посетить местную ежегодную ярмарку, но получали равнодушный отказ. Со временем развилась деменция, он перестал ходить и вот уже года три не разговаривал, порой бывал агрессивен. Сиделка на дому не справлялась, и было решено перевезти его к нам.

Я провела гораздо больше времени, чем положено, пытаясь накормить и напоить Эрика. Он одолел четверть пюре и совсем немного рыбы, полстакана сока.

В течение нескольких дней я пользовалась любой возможностью заскочить в комнату Эрика, чтобы лишний раз напоить его, включить спортивный канал, проветрить комнату. Мне казалось, что он начал меня узнавать и в ответ на мои вопросы утвердительно кивать. Через пару дней мы помогли ему принять душ. Вечером я зашла напоить его теплым молоком перед сном.

Коллеги, имена которых я еще не запомнила, каждый день вручали мне конверты с открытками, спрашивали, купила ли я подарки и какие у меня планы на Рождество. У меня не было ни подарков, ни планов.

Сочельник выдался тяжелым из-за наплыва гостей. Родственники постояльцев спешили поздравить всех — вручить сладости, открытки со словами благодарности. Сын Маргарет сыграл в столовой рождественские песни на гитаре. Маргарет обводила всех счастливым взглядом влажных глаз и приговаривала: «Это мой сын». Внучка Салли пришла в костюме Санты и раздавала лотерейные билеты. Жена Питера принесла рождественский пудинг.

Родственники, редко навещающие постояльцев, были требовательны, строги и, казалось, ни на минуту не забывали сумму ежемесячного счета, который выставлял дом престарелых: «Не могли бы вы принести дополнительную подушку? Я вижу, маме неудобно так сидеть», «Бабушка капнула соком на блузку, поменяйте ее, пожалуйста», «Принесите вазу и ножницы, эти цветы нужно срочно подрезать и поставить в воду». Они нуждались в повышенном внимании, им непременно нужно было помочь открыть окно, принести дополнительный стул или салфетки, показать, где они могут помыть руки и куда выбросить упаковку от их подарков.

Они приносили громоздкие статуэтки, жесткие, тесные туфли, красивую, но неудобную одежду, которую так трудно надевать на скованные тела постояльцев с деменцией. Они громко говорили в столовой, ни к кому не обращаясь: «Подарил тете Китса в прошлом году и не смог его найти в комнате. Тетя всегда любила стихи» или «Я надеюсь, мама часто бывает на свежем воздухе». Тетя пожевала знаменитые оды и залила их чаем, но мы не решились рассказать об этом племяннику. Высокомерные гости расспрашивали менеджера и его заместителя о состоянии здоровья родственников, участливо кивали, обещали купить ночные сорочки или теплые носки, чтобы потом пропасть до Пасхи.

В многолюдье и суматохе я почему-то запомнила, как Корнел держал кого-то за пуговицу пиджака в коридоре: «Сорок метров колбасы ручной работы. Можете себе представить?»

К концу смены ныла спина, гудели от усталости ноги. Корнел поделился со всеми мясным рулетом. Оказалось очень вкусно. В столовой было необычно тихо, цветные огоньки мерцали

на искусственной елке в углу, Салли уснула на диване, Даниель заполнял сестринский план. Я приготовила нам чай. Корнел смотрел в темное окно:

— Эх, если б вы знали, каким было Рождество в моем детстве. В деревне. Счастье. Чистое счастье. Мама пекла козонак, делала сармале, салаты, ребрышки... — Он вздохнул и отрезал еще один ломтик рулета. — Сегодня по всей Румынии в каждом доме — бедном ли, богатым, — у всех накрыт стол. Вчера сестра звонила, спросила, когда я приеду. А как я приеду?

Я вернулась домой немного позже обычного, села ужинать, включила радио.

I'm dreaming of a white Christmas Just like the ones I used to know...

Я сидела одна на крохотной кухне, слушала песню, ела оливье, а слезы беззвучно падали и терялись в майонезном крошечке. Именно под Рождество и Новый год одиночество чувствуется острее, именно под Рождество хочется чуда.

В окне закружили белые мушки. Думала — показалось, но вот уже через пару минут повалил снег, и густая белая пелена занавесила мои окна, накрыла двор, улицу, коттедж Дэвида и Анны, елку у церкви, цветные огоньки, Дом, яблоневый сад и поля за ним. Постояльцы наверняка прильнут к окнам, и кто-нибудь из ночной смены обязательно выскочит на улицу полюбоваться этой захватывающей красотой. И Эрик, я знаю, смотрит не отрываясь на белое бесшумное торжество. Снег в этих местах редкость.

В дверь постучали. На пороге притопывал заснеженный Дэвид.

— Вы уж простите, что я немного поздно и без предупреждения. Но мы с Анной подумали и решили позвать вас на рождественский ужин, если вы не возражаете. — Он смущенно кашлянул. — Вы одна, мы тоже одни. Что вы думаете?

Анна ждала у калитки, едва удерживая возбужденного пса на поводке, и улыбалась.

Диана [D : Diana]

Второй месяц я только и слышу: Диана, Диана.

«Ты пока в двадцать первую комнату не заходи: Диана не любит новеньких», — в первый же день предупредил Корнел. В отделении для постояльцев с тяжелыми формами деменции, где я работаю чаще всего, мы держим двери всех комнат приоткрытыми, за исключением двадцать первой: у Дианы паралич, она прикована к постели уже несколько лет и чувствует себя неуютно, когда дверь открыта.

Оттого, что я никогда не видела Диану, ее имя вскоре стало для меня звучать как шифр или секретное послание, понятное лишь посвященным, закодированное сообщение о чрезвычайной ситуации, как «Инспектор Сэндс» на железнодорожных станциях Англии или «Господин Скайлайт» на морских судах.

«Диана попросила», «Диана расстроилась», «Диана осталась недовольна», «Вы же знаете нашу Диану — ей сложно угодить». Одно только упоминание о ней вызывало у коллег благоговейный трепет. Во имя Дианы проходили крестовые походы на кухню в надежде заполучить что-нибудь сверх утвержденного меню у прижимистых и несговорчивых поваров. Под ее штандартами лукавый шляхтич добывал для отделения новые полотенца, посуду, постельное белье и принадлежности. Распаковывая трофеи, Даниэль делано и громко вздыхал, чтобы администратор Анабель в зрительном зале расслышала: «Нам так были нужны новые одеяла. Вот и Диана на прошлой неделе жаловалась — замерзла ночью». К слову сказать, во всех комнатах Дома в любое время года тропический пассатный климат, умеренно жаркий и сухой. Я знаю точно: я заносу данные в температурные листы каждое утро — 24–26 градусов.

В январе мне наконец удалось увидеть Диану, убедиться, что она существует, но, оговорюсь сразу, взаимная симпатия между нами не вспыхнула. К тому времени день стал заметно прибавляться, в саду расцвели подснежники, и порывы теплого влажного ветра напоминали ленинградскую оттепель, когда после школы хотелось просто бродить в пальто нараспашку по солнечным улицам без всякой цели. И сейчас, по своей северной привычке дорожить теплыми днями, я выходила пораньше на работу, чтобы успеть послушать оглушительный птичий звон, прогуляться через Дикий Сад, а потом краем поля выйти к северным воротам Дома, застать рассветное солнце над перелеском на холме, дать новому дню легко и без усилий покатиться по склону и успеть в короткой тишине утра заварить чай, накрыть столы, приготовить посуду, обойти комнаты, поболтать с ночной сменой.

Между дневной и ночной сменами отношения всегда натянутые. Дневная смена винит ночных коллег во всех грехах и удивляется, как можно устать ночью, когда все постояльцы спят, не нужно их кормить, с ними гулять, составлять меню, менять постельное белье и кувшины с водой, вести переговоры с родственниками о пропаже слухового аппарата или очков, осторожно объяснять мужу, что его жена на поздней стадии деменции вряд ли поправится и вернется домой в скором времени. Ночная смена всегда уставшая, с красными глазами, всегда сонная, сорит повсюду пустыми кофейными стаканчиками и мрачно отбивается: «А вы попробуйте ночью не поспать!»

Но находятся и любители поработать ночью. Например, Лили. В то утро она не успевала разнести чистые полотенца по комнатам: Питеру было плохо, и она полночи просидела с ним, пока он не уснул. У Лили большое сердце. До начала моей смены оставалось минут двадцать, и я решила ей помочь — не переодеваясь в форму, подхватила полотенца. Двадцать первую комнату я, как обычно, обошла стороной. Лили родом из Индонезии. Даже теплые слова, милые поздравления с Рождеством или днем рождения с ее акцентом звучат для меня как окрик, как приказ выйти из строя или решение военного трибунала.

— Ой, — вскрикнула Лили, — Виктория, двадцать первая комната?! Э? Ты забыла, забыла! Это деменция, Виктория! — Она захохотала.

Лили нравилось, когда люди ошибались. Маленькая Лили смеялась над ними, хлопая себя по бедрам, притопывая ножками, и искренне ждала, что они разделят ее веселье. Жестокосердные в ответ строчили жалобы на Лилины грубость и хамство. Кипой докладных на столе менеджера вполне можно было растопить камин и согреть небольшую компанию в зимний вечер. Менеджер однажды вызвал Лили в свой офис, просил быть тактичнее, терпеливее, вежливее. Конструктивного диалога не вышло.

— Я сказала — ты ленивый, ленивый! Э! Мусор кто выносит? Э? Лили. Пылесосит? Э? Лили. А что делает Майкл? Э? Она смотрит телевизор. Смотрит телевизор. Я сказала — ты ленивый, ленивый. Я не вру, не вру.

Больше менеджер Лили не вызывал и поручил ее заботам своих заместителей.

Я не рискнула вступать с Лили в спор, решила тихо проскользнуть в ванную двадцать первой комнаты и оставить полотенца там. Медленно повернула дверную ручку, тихо приоткрыла дверь. В комнате горел ночник и пахло, как в музее краеведения. Мебель бросала длинные зловещие тени, на стенах были едва различимы старинные гравюры. Тихо на цыпочках я добралась до ванной комнаты, беззвучно открыла дверь. Яркий свет вспыхнул, едва я потянула дверь на себя. Ну конечно! Датчик движения! Я машинально обернулась. Диана не спала, она сидела в гряде подушек на кровати, увенчанная короной из розовых бигуди, и не мигая смотрела на меня. Ее белое лицо в тусклом свете ночника казалось застывшей восковой маской.

«Бигуди! — подумала я. — Зачем такие неудобства женщине, которая даже не выходит из комнаты?»

— Доброе утро, Диана, — я попыталась улыбнуться.

То ли улыбка была ошибкой, то ли пожелание доброго утра, то ли Диана все это время не спала и с ужасом наблюдала, как совершенно незнакомая женщина в ветровке и джинсах зачем-то крадется в ее ванную, но она незамедлительно пришла в ярость, и видно было, как она набирала в легкие воздух, словно упавший ребенок, перед тем как разразиться оглушительным ревом.

— Get out! * — просипела Диана.

{ * Get out! — Прочь! }

— Да я просто полотенца занесла, Лили попросила, — оправдывалась я, пятясь к двери.

— Get out! — не сбавляла обороты Диана. Она нащупала трость у своей кровати, ловко подхватила ее и замахнулась. — Get out!!!

Я уже выскочила из комнаты, когда трость с глухим стуком ударилась о дверь.

Я побежала переодеваться и налетела на Брайна.

— Что случилось, Виктория? Так спешишь на работу? Похвально, похвально, — закричал Брайн. — Пойдём послушаем, что ночная смена скажет. Кстати, ты сегодня работаешь со мной в паре. Корнел сообщил утром, что заболел. Нас сегодня трое.

Брайн приезжал задолго до начала смены. Он медленно петлял по узким улочкам на стареньком ситроене, собирая за собой длинный хвост из мотоциклов, автомобилей, тракторов, автобусов, коневозов, прицепов с сеном и почтовых фургончиков. Не раз я заставляла это мрачное и торжественное зрелище и «список кораблей прочла до середины». Обычно Брайн обстоятельно парковался, долго курил и ходил вокруг машины — проверял шины, протирал зеркальце, гладили крыло. Коллеги утверждали, что в перерыв он выходит на парковку, чтобы поговорить с машиной. О чем? Поделиться событиями дня? Пожаловаться на менеджера, который урезал отпуск до двух недель? Справиться, не озябла ли, — ведь утром подморозило? Никогда не узнаю.

Брайн, старательный и неторопливый англичанин, как старший по отделению, в основном самоотверженно брал на себя бумажную работу и руководил из столовой, но сегодня один из тех дней, когда ему придется присоединиться к нам.

Дневная смена начинается в восемь утра, а восемь пятнадцать у Дианы, как у Людовика XIV, — время «малого пробуждения». Она звонит в звонок, и ей несут чашку горячего чая с молоком без сахара и тост белого хлеба с отрезанной по периметру корочкой. «Большое пробуждение» происходит в десять часов. В тот день я впервые посетила церемонию утреннего туалета с Брайном только потому, что Корнел заболел. Диана не любила никаких изменений. Ее пробуждение было не таким многолюдным, как у французского короля: без детей, внуков, первого врача, пажа, камердинера, министра, маршала и интенданта строительства, но со строгим соблюдением протокола. Пока я с любопытством рассматривала картины, фарфоровые статуэтки, искусственные цветы, Брайн готовил все необходимое: лосьон, салфетки, духи, одежду, полотенца.

На стенах, помимо гравюр и картин, было лишь одно фото: Диана сидит в кресле, по правую руку муж растерянно улыбается и мнет в руках шляпу, слева дочь, с прямой спиной и опущенными вдоль тела руками, смотрит непреклонным и тяжелым взглядом. Что-то в этом было от уличной фотографии, когда моментальный снимок застигает рядом совершенно незнакомых, чужих друг другу людей, случайно оказавшихся вместе.

Строгое лицо Дианы без глубоких морщин сохранило следы былой красоты, но абсолютно исключало улыбку, даже саркастическую. Если Диане что-то не нравилось, она цыкала и вздыхала, если нравилось — одобрительно кивала.

Я пыталась быть милой, я спросила, хорошо ли ей спалось. В ответ Диана, глядя перед собой, едва разомкнула губы, как лошадь, прихватывающая клочок сена из стога:

— Я не понимаю ваш английский.

Брайн зажурчал что-то примирительное, вроде того, что Виктория новенькая и английский не ее родной язык, но она хороший работник.

Диана нетерпеливо вздохнула. Мы приступили к церемониалу. Согласно регламенту, сперва протиралось лицо — исключительно ватными дисками, смоченными лосьоном. Затем — влажными салфетками, что хранятся в верхнем ящике стола, — протирались шея и руки, сверху наносился детский тальк. Носок полагалось надевать сперва правый, затем левый. Бюстгальтер Диана надевала самостоятельно, а застегивала я и долго не могла попасть крючком в петлю, отчего пальцы мои стали дрожать и проскальзывали по гладкой, холодной коже Дианы. Легкий шарф был непременным аксессуаром, на него дважды брызгались духи. Ноги Дианы укрывались одеялом чуть выше колен. Стол придвигался примерно, как сказал Брайн, на 10–11 сантиметров к кровати. Для этого случая коллега хранил в кармане линейку.

Выходя из комнаты, Брайн любезно раскланялся, пожелал хорошего дня, пообещал принести чашечку чая через пару минут, если Диана пожелает.

— Что? — раздраженно спросила Диана и отвернулась к окну. — Вы что-то мямлите там, я вас не понимаю.

Брайн осторожно прикрыл дверь, какое-то время не выпускал из рук дверную ручку и, словно к ней обращаясь, озадаченно пробормотал:

— Это, пожалуй, немного слишком... за восемь-то фунтов в час.

С того самого дня старшие по отделению и медицинские сестры давали мне поручения, связанные с Дианой: принести газету, письмо или завтрак, поменять кувшин с водой. Она принимала меня, терпела с независимостью кота, который признаёт в человеческом присутствии несомненное, но необходимое и полезное зло. По утрам я считала до трех перед ее дверью, прежде чем постучать, открывала занавески, выключала ночник, желала ей доброго утра, спрашивала, как она спала. Диана брезгливо морщилась:

— Я не понимаю ваш английский.

— Слух ее величества очень избирателен. Она слышит и понимает ровно то, что ей хочется, — смеялся Корнел.

В конце января на западное побережье Англии обрушился шторм, который добрался и до нашей деревушки на юго-востоке. Несколько дней кряду неустанно дул шквальный ветер. Временами казалось, что Дом стоит на берегу бушующего океана и нас вот-вот смоем гигантской волной. Влажный ветер был чуть солоноватым. Ночами он особенно свирепствовал — все дороги были завалены сучьями и листьями, так что порой невозможно было проехать. На небе едва виднелась мутная луна и неслись черные растрепанные облака. Улицы опустели.

Мы плотно закрывали окна и не выводили постояльцев на прогулку. Редкие посетители вваливались взлохмаченные, помятые, словно на улице их кто-то изрядно колотил, а потом силой вталкивал в двери нашего Дома. По коридорам летала сухая листва, занесенная с улицы, и не было никакой возможности от нее избавиться.

Корнел ходил возбужденный:

— Этот ветер — как в моей деревне зимой. Сначала ветер, а потом смотришь в окно, а там звезды с кулак — значит, будет сильный мороз.

— Есть что-нибудь, чего мы не знаем о твоей деревне? — улыбался Даниель.

Когда через три дня ветер ослаб, зарядил бесконечный дождь. Только и разговоров было, что про погоду. Из-за перекрытых дорог к нам не могли добраться поставщики продуктов, не вывозился мусор и на несколько дней мы оказались в блокаде. Диана ожидала, как обычно, горячего шоколада со сливками в полдень и винограда на ужин. Она совершенно отказывалась понимать, почему такие пустяковые просьбы не удовлетворяются и при чем здесь ветер, когда ее проживание стоит таких больших денег. На кухне творили чудеса из остатков продуктов, пекли хлеб, что-то покупали сами в местном магазинчике, и в целом из ситуации выходили достойно. Если бы не манная каша — семолина на английском, — которая подавалась с абрикосовым джемом на десерт третий день подряд, то никто бы и не заметил изменений.

— Э, э! — Лили кричала на утренней пересменке. — Диана сказала: «Что? Сальмонелла каждый день? Я не буду больше сальмонеллу». Э? Да, так и сказала. Не верите — спросите ее, спросите.

— Семолина, - с улыбкой поправлял Брайн.

Тем временем ветер стих и впервые за несколько дней выглянуло солнце. Ожилились улочки деревни. Перед обедом я отправилась на прогулку с Питером, он щурился на солнце и беззащитно улыбался. В легкой куртке было достаточно тепло. Яблоневый сад за домом выглядел еще слабым, но идущим на поправку пациентом — сломанные ветки лежали у залитых водой черных стволов, каменная изгородь, заросшая плющом, осыпалась в двух местах, а садовая мебель была разбросана в беспорядке.

— Crikey! * — восхитился Питер.

{* Crikey! — Вот это да!}

— Вы только посмотрите, какой прекрасный день! — помахал нам рукой садовник. — Собрались прогуляться?

Каждую среду Майкл, седой старичок в высоких резиновых сапогах и неизменной клетчатой жилетке, возился в нашем саду и на клумбах, косил газон, вывозил листья, подрезал кусты, сажал цветы.

— Да, хотим сходить в Дикий Сад, покормить уток в пруду. Я очень люблю там гулять, даже после работы специально делаю кружочек по Саду.

— После работы? Вечером? В Диком Саду? Шутите? — Его лицо стало грустным. — Ведь уже темно. Это опасно.

— Опасно? В нашей-то деревне, где все друг друга знают и нет волков?

Майкл воткнул лопату во влажную землю газона и доверительно понизил голос:

— Ну да, волков, допустим, нет, но сейчас другие времена и столько этих, знаете, — он быстро огляделся по сторонам, — иностранцев всяких. Одному богу известно, откуда они приехали.

— О да! Ох уж эти иностранцы, — горячо согласилась я.

Мы гуляли в Диком Саду вокруг пруда, когда зазвонил телефон, Корнел кричал что-то неразборчивое, было слышно, как на заднем плане воеет сирена. Я поспешила обратно, уговаривая Питера ускорить шаг.

У ворот Дома стояла пожарная машина, в здании разрывалась сирена, постояльцев вывозили в креслах через главный вход. Тех, кто мог идти, выводили под руки. Ни дыма, ни огня я не увидела. Кухонные работники смеялись и курили на парковке. Стало понятно, что пожарная тревога была тренировочной. Менеджер и его заместитель бродили среди кресел со списками и делали в них пометки, старшая медсестра взяла на себя руководство по обнаружению вымышленного очага и эвакуации. Предполагаемым эпицентром была столовая на втором этаже, и наше отделение покинуло здание первым.

Для меня осталось загадкой, как Корнел, Даниель и Камилла умудрились меньше чем за полчаса всех одеть, переправить из кроватей в кресла с помощью подъемника и вывезти на улицу при условии, что лифт не работал. На асфальтовых дорожках, на газоне и клумбах расположились кресла-каталки и стулья с нашими постояльцами. Замотанные наспех в пледы, с накинутыми куртками и шапками набекрень, они выглядели как разбитые наполеоновские войска, пробирающиеся по заснеженной России к западным границам.

Салли тихо плакала и не выпускала из рук игрушечного зайца. Дерек, бывший военный, был бодр и свеж, энергично жестикулировал и кричал во всю глотку из своего ортопедического кресла: «Один, два, три... пошел. Один, два, три... следующий. Отлично! Славные парни! Хорошая работа!» Джек отказался от помощи этим утром и наряд подобрал по своему вкусу: две рубашки, торчащие одна из-под другой, пиджак с цветком в петлице, пестрый галстук с фазанами служил ему ремнем, помогая удерживать полосатые пижамные брюки, надетые поверх шерстяных. Вот кто получал максимум удовольствия от происходящего. Он, как актер пантомимы, восторженно озирался, толкал кресла, выносил одеяла, пытался даже помочь пожарным раскручивать шланг, но был изгнан усажен в кресло и укрыт пледом. На лицах молодых парней из пожарной бригады я читала любопытство и ужас одновременно.

Всем разносили горячий чай. Я подхватила со стола поднос с кружками. На клумбе за тисовым деревом я нашла Диану и не сразу ее узнала: она близоруко шурилась, челка сбилась и закрывала пол-лица, шарф сполз на подлокотник кресла, плед не закрывал босых ног. Я укрыла ее еще одним пледом, предложила чая, спросила, не нужно ли принести носки. Диана сжала мой локоть обеими руками и срывающимся голосом сказала:

— Не хочу я никакого чая, Виктория, просто постой со мной и никуда не уходи.

Послушайте, я ведь обычный человек, мне бывает страшно, мне бывает одиноко, я не знаю, как себя вести, когда умирают люди, когда плачет моя мама. Но слабость и страх Дианы вдруг сделали ее такой близкой. Там, где я ожидала злорадство при виде поверженного обидчика, вдруг обнаружила силу и смелость обнять и слушать неразборчивый шепот: что-то о сирене, о бомбежке Лондона, о пропавшем брате. Все это не имело значения. Важно было то, что она помнила мое имя и мой английский был не так уж плох.

Элизабет [Е : Elizabeth]

Двадцать вторая комната была угловая, светлая, с двумя большими окнами. В ней всегда пахло морем. Ее улыбчивый хозяин сиял по утрам, как солнечный блик рассветного штгиля. На стенах висели выгоревшие акварели, по столу всегда были рассыпаны карандаши. Пока я застилала кровать, Питер обычно трогал их кончиками пальцев, катал осторожно по столу, прикрыв глаза. Я прибирала комнату, поливала цветы, складывала одежду в шкафу, и Питер, вероятно приняв меня за горничную в отеле, неловко хлопал по карманам брюк, затем — пиджака, осторожно откашливался:

— Извините, сколько я вам должен? Не уверен, что у меня есть наличность.

— Ваша жена Элизабет уже все оплатила, — обычно отвечала я.

Было очень важно упомянуть жену. Тогда Питер радостно потирал руки, смеялся:

— Ах да, конечно, Лиза.

Это имя давало ему покой и уверенность, когда он был в недоумении, когда не понимал, где находится и почему вдруг один, в этой комнате, из окон которой видны только верхушки вишневых деревьев и поле для крикета.

Он помнил себя с довольно раннего возраста, но все какими-то урывками: то летним вечером он бежит рысью за сладостями в местный магазинчик, то с братьями и сестрами стоит у елки, а вот слушает по радио «Путешествие с кочевником» и отчетливо видит дом на утесе, поиски жемчуга, нападение дикой кошки. Лиза всегда была рядом: честно делила пополам жевательную резинку, осторожно трясла и прикладывала к уху коробку, пытаясь догадаться, что внутри, или вечерами слушала с ним по радио «Детский час». Еще он помнил, как мама однажды купила бананы. Питер заметил, как приятно волнуют эти цвета, говоря на неизвестном ему языке: горящее желтое пятно на голубом блюде. Он никогда прежде не видел и не пробовал бананов. Они с Лизой растянули свою связку на несколько дней и распевали слова популярной когда-то песенки: «Да! У нас нет бананов, у нас нет бананов сегодня!»

В карманах его шортиков постоянно болтались глиняные кубики: камешки Джека — игра, в которую они играли часами. Лиза так проворно ловила тыльной стороной ладони подброшенные в воздух кубики, что выиграть у нее было почти невозможно. Она бегала с ним на станцию смотреть поезда и записывать номера прибывающих паровозов в большую тетрадь, а если повезет, то и их названия, чтобы у Питера была самая внушительная в округе коллекция и он заткнул за пояс всех задавак.

Всегда самый высокий среди сверстников, голубоглазый блондин, Питер рос добрым, щедрым, покладистым и смешливым. Лиза была полной противоположностью: невысокой брюнеткой, косолапой, хмурой, прижимистой и упрямой. Она напоминала небольшую этажерку — широкую и надежную. На ее круглом лице светились живые, умные глаза, словно их выдали ей в спешке, не проверив адресата. Питер, конечно, часто уступал Лизе, играл с ней, но он же не девчонка, чтобы скакать на скакалке или прыгать в классики. Они с мальчишками гоняли на самодельных самокатах, сражались каштанами на веревках, играли в прятки на фабричных задворках.

Питер был слишком маленьким, чтобы помнить рождественские бомбежки сорокового года, когда немцы разрушили Дворцовый театр, Манчестерский собор и жилые здания в центре города, но послевоенные очереди, карточки, одежда, которую он донашивал за братьями, навсегда врезались в память.

После школы он уехал в Лондон и поступил в Королевский колледж искусств. Существование счастья кажется мне сомнительным, однако Питер вспоминал эти годы как самые радостные, волнующие и счастливые. Казалось, Питер и послевоенная Британия вместе проходили

курс лечения и отвлекались от переживаний яркими вспышками цвета, разнообразием форм, идей и образов. Годы дымящихся руин, вынужденной экономии, штопанных одежд, стоптанной обуви, всего темного, мрачного неизбежно сменились послевоенным модерном — временем надежды, новаторства, кричащих цветов, безумных коллажей и революционного поп-арта.

Питер влезал в долги, не спал в мастерской до рассвета, спорил до хрипоты и выпивал до беспамятства. Лиза приезжала раз в месяц с сестрой, привозила фрукты из их сада, прибирала в его каморке, одалживала денег, выслушивала его восторженные речи и смотрела его новые работы. Вечерами они гуляли по набережной, взявшись за руки. Они оба не припомнят смущенных признаний или неуверенности первых встреч, словно любовь друг к другу была у них врожденной или чем-то однажды раз и навсегда решенным. Свет фонарей отражался в темной воде Темзы, где-то играла музыка, гуляли нарядные пары — бережливая Лиза сохранила эти счастливые воспоминания на всю жизнь. По окончании колледжа они поженились.

Оформляя однажды маленькую книжку для первенца, сочиненную Лизой, Питер обнаружил страсть к яркой, детальной и веселой иллюстрации. Со временем он наладил сотрудничество с ведущими издательствами Британии и неожиданно для себя и окружающих стал известным детским иллюстратором.

Всегда неприметная Лиза из идеальной домохозяйки конца пятидесятых постепенно превратилась в ось их семьи, вокруг которой крутились новые контракты с издателями, закупка красок, кистей и бумаги, вызов сантехника, ипотека, школа для мальчиков, сбережения на летний отпуск, семейные праздники. Она позволила ему остаться в мире детских книг, игр и проказ, дала возможность быть рассеянным, беззаботным, таким любопытным пассажиром со съехавшей на затылок шляпой, путешествующим налегке. В затруднительных ситуациях он обычно говорил, многозначительно подмигивая: «Я посоветуюсь с женой. В ней, как в нашей королеве, бездна здравого смысла».

— Питер, если ты голоден, я могу проводить в столовую, — предложила я.

Он любил поесть. Каждое утро ему подавали английский завтрак с яичницей и беконом, овсяную кашу и тост. Если к нему подходил кто-нибудь из дам, он вставал, здоровался и ждал, пока они присядут за стол. Мэри обычно улыбалась в ответ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.